

Егор Аладын

Кочубей

Егор Васильевич Аладын

Кочубей

«Шумно пировали знаменитые гости за роскошным столом Василия Леонтьевича Кочубея. В день ангела милой жены своей, Любви, он угощал гетмана Мазепу, всю знать войсковую и любезного князя Обидовского: золотой мед и дорогое венгерское кипели в тяжелых кубках, девы и жены скромно шептались между собою; а смелые, воинственные питомцы Днепра воспоминали свои победы, желали новых и, пожимая друг другу руки, пили за славу, дружбу и гостеприимную Любовь! Лица всех оживотворялись улыбкою; как безоблачное небо, были души их – и яркое солнце весело глядело в окна чистой светлицы на званый пир богатого хлебосола...»

Содержание

Егор Васильевич Аладьин Кочубей	0004
Глава I	0005
Глава II	0012
Глава III	0017
Глава IV	0020
Глава V	0026
Глава VI	0028
Глава VII	0038
Глава VIII	0044
Глава IX	0047
Глава X	0052
Глава XI	0058
Глава XII	0064
#14	0066
#15	0067
#16	0068

Егор Васильевич Аладьин
Кочубей

Глава I

*Наше счастье разбитое
Видим мы игрушкой волн;
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный чолн.*

Шумно пировали знаменитые гости за роскошным столом Василия Леонтьевича Кочубея. В день ангела милой жены своей, Любви, он угощал гетмана Мазепу, всю знать войсковую и любезного князя Обидовского: золотой мед и дорогое венгерское кипели в тяжелых кубках, девы и жены скромно шептались между собою; а смелые, воинственные питомцы Днепра вспоминали свои победы, желали новых и, пожимая друг другу руки, пили за славу, дружбу и гостеприимную Любовь! Лица всех оживотворялись улыбкою; как безоблачное небо, были души их – и яркое солнце весело глядело в окна чистой светлицы на званый пир богатого хлебо-сола.

– Василий Леонтьевич! – сказал Мазепа сидевшему об руку с ним, Кочубею, когда про-

чие гости на минуту умолкли. – Ты счастливейший человек в мире. Кто не позавидует тебе?

– Господин гетман, – подхватил Кочубей, – все Божие, а не мое, да будет благословенно имя Его!

– Чего же недостает у тебя? Острою саблею ты зарубил имя твое на ущербной луне поклонников Магомета; кроме язв чести, ты не знал недугов; золота у тебя, как песку окрест Киева; на твою Любовь нельзя наглядеться, на твоих детей мало века налюбоваться! Жизнь твоя течет, как светлый праздник, весело и беззаботно.

– Хвала Богу! – отвечал Кочубей. – Я уже не молю Его, но благодарю только за щедроты; я пресыщен Его дарами; Он так неистощим, как мои желания; Он благ, как только Он сам, но...

– Но так всевластен, хочешь ты сказать, – подхватил Мазепа, – что в один миг может истребить даже и следы прежних лет милости?

– Нет, гетман! Я не знаю Бога казни. Я хотел сказать, что Он так правосуден, так неподкупно строг, что недостойные вовеки не

внидут в чертог Его славы! Что же значит богатство, что счастье земли без вечного блаженства? Без него все наслаждения не полны – и душа моя, как сирота, приласканная на чужбине, минутно весела и постоянно печальна!

– Умный Василий, – прервал гетман, взяв его за руку. – Оставим это. Я хочу быть в гостях у храброго товарища, у веселого хозяина, а не у печального проповедника. Не *memento Mori*, но здоровье твоей супруги и всего дома наш лозунг! Да здравствует царица пиршества Любовь! – воскликнул он. – Да здравствует Любовь! – повторили все гости, кубки чокнулись, загремели турецкие литавры, и Любовь – именинница поклонилась гостям.

С шумом отодвинулись стулья, веселы встали пирующие, стыдливые девы убежали, как тени, и домовитые жены увели Любовь в роскошную опочивальню. Мужчины остались одни, слава Малой России была предметом их разговоров: все удивлялись родине, благословляли царя Московского; один Мазепа вздрагивал при каждой клике их восторга; как отверженный Аввадона, смотрел он на

них мутными очами и спешил укрыться от внимания других в кругу тихо беседующих жен и девиц.

Сама радость, казалось, вошла с ним; его живой, разнообразный разговор пленил души собеседниц, он был один для всех, и все были только для него, он был всеми доволен, все были им очарованы! Но более других пленяла его юная Мария, более других Мария пленялась им. Он с нею был занимательнее, нежнее – как крестный отец он имел право шутить – и шутил над ее стыдливостью, мог ее хвалить – и превозносил ее.

– Милая кума, – говорил гетман, обратись к хозяйке дома, – дочь твоя прелестна, как лучшая роза в саду твоём! Храни это сокровище, я хочу, я должен сделать ее счастливою!

– А разве теперь она несчастлива? – возразила Любовь.

– И да, и нет, – отвечал Мазепа, – она цветет в глуши беспечного уединения, она не знает печали, отец и мать хранят ее. Но наступает время: не для себя она прекрасна, тебе обручать ее не небу, а человеку – нашла ли ты достойного?

– Нет еще, гетман, я не спешу выбором, ей семнадцать только лет, суженый придет сам в обреченное время, Василий Леонтьевич увидит его род, дела и звание; я увижу его сердце – и тогда, если угодно Богу, вы, гетман, поведете под венец мою Марию.

– Я поведу ее под венец? – спросил, запинаясь, Мазепа.

– Когда удостоите этой чести вашу крестницу, – подхватила Любовь.

– Да-да, это счастье принадлежит мне, – продолжал он, оправляясь от первого смущения, с принужденною улыбкою, – слышишь, друг мой, я поведу тебя под венец!

Мария благодарила его наклоением головы и радостным взором – Мазепа торжествовал.

Из другой комнаты послышался веселый разговор входящих гостей, и все обратились к ним; только гетман не сводил горящих взоров с юной красавицы; только она мечтала о гетмане, украдкой заглядывалась на его орденскую ленту, на пылающее лицо – и невольный вздох волною пробежал в высокой груди ее.

– Вот наш гетман, – сказал Василий Леонтьевич, – он всегда у нас голова, всегда впереди нас.

– Это правда, – подхватил Обидовский, – и точно таков, как теперь, в битвах с неприятелем, за священным зеркалом суда, в беседе верных друзей, в кругу милого пола. Я горжусь таким дядею!

– А мы таким гетманом! – воскликнули гости.

– А я вашею дружбою и хвалою, – отвечал Мазепа, и всеобщий разговор весело шумел до глубокой ночи.

Холодная луна катилась в безоблачных долинах голубого неба, звезды сверкали – и полусонные гости спешили по домам; они выезжали из широких ворот, длинные тени бежали перед ними, звонкий голос, гостеприимного хозяина провожал их желанием доброй ночи.

Все утихло, и Василий Леонтьевич с милою супругою пошли с высокого крыльца в опустевшие покои. В столовой зале встретила их Мария, нежно благословили они милую дочь и удалились. Долго стояла задумчивая

красавица на одном месте, в пылкую душу ее заронилось что-то непонятное, что-то сладостное – не раз озиралась она кругом, как будто кого-то ожидая.

– «Я поведу тебя под венец!», сказал он... Если я угадала?.. Возможно ли?.. Последнее слово его было: я люблю тебя! Я обожаю!.. – так робко шептала невинная жертва заблуждения.

Отворились двери.

«Не он ли воротился?» – подумала она и бросилась на шум, но это была старушка-няня.

– Пора почивать, сударыня! Первые петухи давно уже пропели, а вам и сна нет.

Тихо удалилась Мария. Ни теплая молитва, ни ограждение святым крестом не спасли ее от беспокойных снов: Марии мечтался его образ, сквозь сон она говорила о нем – и знаха-няня над страданицей любви творила заклинания от дурного глаза.

Глава II

*Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.*

И в чертогах беспечного богача искусный паук раскидывает свои сети на позолоченных карнизах – и в светлом доме Кочубея свила гнездо молчаливая печаль: прелестная Мария увядала в безмолвии, малютки братья не играли в ее присутствии, но тихо, нетвердым языком невинного младенчества, шептали между собою: сестрица нездорова. Напрасно попечительный отец спрашивал: «Что с тобою, друг мой?» – она молчала, поднимая голубые глаза к небу, как бы желая тем сказать: один Бог про то знает! Напрасно нежная мать прижимала ее к сердцу, выманивая лаской непостижимую тайну, – в безмолвии она устремляла взоры на холодную землю и тем, казалось, отвечала: скорбь души моей пойдет со мною в могилу. Одна няня была несколько счастливее в расспросах. Неотступно просила

она Марию умыться наговоренною водою: «Голубочка моя, это все от черных глаз!»

– Да, няня, да, точно, это все от черных глаз, – говорила с таинственным видом унылая красавица и умывалась горячими слезами.

Так проходили ясные дни, но и в темные ночи не смыкались глаза ее, страшные грезы носились над нею – и тихий сон бежал от омоченного слезами ложа. Эти слезы, эти страдания Марии падали на сердца добрых ее родителей, они плакали с нею, они страдали вместе. Но не одна грусть семейная томила душу благородного Кочубея, не об одной дочери скорбел он: милая отчизна его, счастливая, благословенная Украина стонала под пятою алчного грабителя! Он уважал в гетмане главу Малороссии, но презирал в Мазепе жестокого, корыстолюбивого утеснителя казаков. Он любил старшую дочь свою Анну, любил доброго зятя Обидовского – и для того-то еще водил хлеб-соль с его дядею.

Между тем время текло быстро; дела войсковые и новости о подвигах казаков на поле чести развлекали преданного отчизне и пре-

столу Кочубея; домашние упражнения и молитвы усыпляли на несколько недолгих часов тоску в сердце Любове – одна Мария была постоянно скучна и задумчива, ничто не трогало, ничто не утешало ее: живая, прелестная в весеннее время природа Малороссии казалась мертвою мертвому сердцу страдальицы.

Однажды все трое сидели на высоком крыльце и любовались прохладным вечером: светло было на голубом небе, тихо в чистом душистом воздухе; поля, одетые созревающим хлебом, златистыми коврами расстилались перед ними; там, черною полосой, тянулась большая Батурина дорога, в разных местах пересекаемая узкими проселками; вот за клубилась по ней сизая пыль в отдалении, вот неслася ближе, ближе – и прямо к их воротам скакал молодой всадник. Это был гонец от Батурина, скоро въехал он на широкий двор Кочубея, скоро спрыгнул с лошади, отдал ее встречному уряднику – и предстал Василию Леонтьевичу с посланием от гетмана.

Войсковый судья в ту же минуту распечатал конверты, в ту же минуту прочел их – и приказал отвести присланного в покои: «Он

устал с дороги, ему нужен отдых», – говорил радушный хозяин, во приезжий гость медлил уходом и значительно поглядывал на Марию. В робком ожидании бросала на него взоры бедная девушка.

– Не привез ли ты еще чего? – спросил Кочубей.

– Да, благородный судья, – отвечал гонец. – Вот еще письмо к вам вельможного гетмана – письмо особой важности.

– Посмотрим, – сказал Василий Леонтьевич, принимая письмо, и Любовь с дочерью устремили на него любопытные взоры.

Вдруг негодование, гнев изображаются на лице Кочубея, он дрожит и не может произнести ни слова.

– Что с тобою сделалось, друг мой? – спрашивает испуганная супруга.

– Нечестивец! – вскричал наконец судья грозным голосом. – Он требует руки нашей дочери, руки своей дочери! Удались, посол безбожника, – вот мой ответ твоему гетману, – продолжал он, бросив роковое письмо в глаза посланному.

С ужасом ахнула добрая Любовь при этой

вести, и несчастная Мария упала без чувств.

Глава III

*О чем ни молимся богам,
Что дать нам боги ни во власти —
Ничто не даст отрады нам,
Когда ошибочные страсти
Вредят сердечной тишине,
Когда господствуют оне.*

Скорыми и неровными шагами ходил Мазепа из угла в угол. Взоры его пылали гневом, и жаждой мщенья горело суровое чело его. «Что хотели доказать они мне своим отказом? – говорил он сам с собою. – Благородство ли душ, непритворное благочестие или только презрение ко мне – их повелителю? Последнее, да, последнее! Я узнаю тебя, гордая Любовь! Ты вооружила против меня покорного молчаливого судью, ты давно ненавидела Мазепу и обрадовалась случаю поразить его сердце! Хорошо, ликуй до времени, рассказывай всем, что ты отвергла предложение гетмана, смейся, хохочи над глупостью владыки Малой России, над унижением князя Римской империи, над слабостью кавалера ордена Первозванного! Не глупец ли я? – продолжал

он. – Бешусь на женщину за глаза, а перед нею, когда она оглушала меня своими набожными поучениями, я стоял, как деревянный. Стыд, стыд Мазепе!.. Но я исправлюсь, я, в свою очередь, скажу ей долгую проповедь о христианском смирении, о долге заботливой, проницательной матери. Чего ж медлить? Время не возвратно. Эй, кто там!» – кричал он так, что окна дрожали. Как смерть, бледный, вошел к нему робкий слуга и неподвижно стал у дверей.

– Пошли ко мне эзуита – не Заленского, а племянника его, слышишь, скорее!

«Я надеюсь на успех, – продолжал он, оставшись один. – Эзуиты умны – чего не сделают такие люди? Чтобы покорить его сердце, чтобы сделать его на все способным, быстрым, неустрашимым и верным, я рассыплю перед ним тысячи червонных – и если он поймает мне голубку с золотым пером, пусть берет сам сколько хочет. Кочубей, Кочубей! Я завидовал твоему счастью – как знать, не буду ли плакать о твоих горестях? Нет, нет! Я не буду плакать! Я не баба – я обиженный тобою твой гетман!»

В это время вошел эзуит. Мазепа, дав ему знак следовать за собою, скрылся в кабинете, ключ щелкнул в замке – и тишина воцарилась всюду; только однообразный бой стеновых часов нарушал мертвое молчание в обители злодея.

Долго были они наедине. Наконец тиран вышел, ведя раба своего за руку, как милого друга.

– Подумай, – говорил он ему, – за каждую минуту времени, которое ты истратишь для меня, я дам тебе по червонцу, за хранение тайны – непрерывная милость. Но помни: у тебя одна голова!

Эзуит поклонился и медленными шагами вышел из комнаты.

Глава IV

*Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед:
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень за вами всюду мы,
С грозой мщениа во взоре,
Ужасные созданья тьмы!*

Румяная заря всходила над дремлющим Батурином; громкий соловей свистал в ближнем бору, и натянутый парус рыбака белел на водах тихого Сейма. Грустная бессонница томила грудь злодея, под растворенным окном сидел он с Заленским, лицо его было мрачно, но казалось спокойным, как воды Днепра после бурного ветра.

– Ты прав, Заленский, – говорил он, – но скажи мне, веришь ли ты привидениям?

– Так же, как и бреду горячки, – отвечал Заленский. – Больной видит призраки предметов, сильно потрясших его душу; влюбленный мечтатель обнимает тень милой; злодей...

– Не говори, – прервал его Мазепа, – я не болен, я не влюблен, я... кажется, и не злодей! А если ты считаешь меня злодеем, то люди тому виною! Выслушай меня, в коротких словах я расскажу тебе историю моей жизни – она похожа на сказку, но справедлива, как и то, что я Мазепа! В цвете пылкой юности, паж двора Иоанна Казимира, статный и красивый, как Иосиф, я полюбил шестнадцатилетнюю Терезу, жену седого, угрюмого вельможи. Я не бежал, как непорочный сын Иакова, от супруги нового Пентефрия, я пал к ее ногам – и она приняла меня в свои объятия. В одну роковую ночь в темной беседке сада он застал нас вместе; глаза его... нет!.. десять лет спустя не так ярко пылал его замок, как тогда кровавые очи! Не знаю, что сделали с Терезой, – меня притащили к высокому крыльцу, подвели коня: на хребте его еще никогда не было седла, рука человека еще не смела ласкать его гордой выи. Чего не выдумает мщение? Он бился, ржал, но множество рабов одолели неодолимого, крепкими веревками привязали меня к его хребту, бич хлопнул, и дикий питомец украинских степей помчался

быстрее вихря – долинами, горами, чрез леса и воды... и на сей стороне Днепра пал бездыханный. Не знаю, как долго лежал я полумертвый под мертвым, но когда опомнился, то не видал ни пустыни, ни коня. В хижине малоросса, на мягкой постели воскрес я от смерти, пришел в себя, хотел, но не мог молиться Творцу за спасение жизни; первая мысль моя была: зачем я пережил сына степи? И какой-то тайный голос твердил душе моей: *для мщенья!* Я выздоровел, вступил в службу, счастье мое меня приласкало. Прошло десять лет – и я расплатился с вельможным паном: орлиные глаза не найдут теперь места, где стоял его великолепный замок! С тех пор в сердце моем появилась ненависть к человечеству, адская ненависть к сильнейшим меня! Пожалуй, они прикуют еще Мазепу, как Прометея, к утесу и пошлют воронов клевать мое сердце; но я дальновиден, я осторожен: где не дадут мне парить орлом, там подползу змеєю и ужалю смертельно! Не прав ли я? Но Самойлович? Он был не на своем месте: слаб духом, как суеверная женщина, чрез меру кроток, не умел заставить ни

почитать себя, ни бояться, и, сбросив его с гетманского престола на глубокий снег безлюдной Сибири, я сделал, кажется, должное? Но разгадай мне, Заленский: часто от глубокого сна будит меня холодная рука какого-то остова, я вскакиваю, всматриваюсь и с трепетом узнаю в нем покойного гетмана – порванные цепи висят на руках и ногах его... и привидение могильным голосом вопрошает меня: «Где мои дети?» Отчего это? Не правда ли, игра воображения, призрак больной души – ведь мертвые не встают из гробов?

– Нет, будьте спокойны, гетман, это пройдет! Прикажите оседлать коня, ступайте в поле – там чище воздух, густая кровь отольет от сердца.

– Заленский! – вскричал вдруг Мазепа. – Ты знаешь мои замыслы – я сообщал их некоторым друзьям. Но, Заленский, где друзья в этом мире? Что, если они мне изменят?

Громко захохотал злобный езуит и насмешливо смотрел на изумленного Мазепу.

– А разве нет для них темниц? – говорил он. – Разве нет ножей перерезать нескромные их глотки? Разве не стало секир для их дерз-

ких голов? Гетман, это опасение доказывает, что вы нездоровы. Ободритесь, живите для себя. Прочее – все мечта!

– Но совесть?.. Грех?.. Но правосудие Неба? – воскликнул Мазепа.

– Все это бредни ханжей, – отвечал Заленский. – Что такое совесть? Что грех, что правосудие?

Злобно засмеялся Мазепа, он пожал руку неистового вольнодумца и торжественно вскричал:

– Будь по-твоему, Заленский! Гроб или престол – вот цель моя. Мои желанья – законом мой!

Мазепа снова был весел, был всем доволен. Только иногда, удаляясь с Заленским от окружающих его, он долго оставался невидимкой, никто не знал их совещаний, как черные леса Муромские, были непроникаемы души их. Только иногда, говорю, среди веселых кликов пиршества он вдруг трепетал, бросался к дверям и, задыхаясь от ужаса, спрашивал: не воротился ли посланный? Более семи недель прошло, и об нем не было слуху. Сердце Мазепы изнывало в тоске ожидания. Изредка про-

буждалось в нем чувство раскаяния, чувство веры – но адские семена Заленского, как бурный град, побивали семена небесной благодати!

Глава V

*Свершилось убийство ночью порой,
И труп поглощен был глубокой рекой.*

— Ты долго, очень долго мешкал. Я умирал от скуки и нетерпения, ожидая тебя, — говорил веселый Мазепа возвратившемуся эзуиту.

— Скорее можно было вынуть из земли заговоренный клад, нежели увидеть Марию! Ее робость, детская стыдливость и простодушное благочестие почти лишали меня надежды услужить вам, сиятельнейший гетман. Несколько раз я принимался убеждать ее; но или она была непреклонна, или стокие аргументы нам мешали; более всех надоела мне старая няня, эта дряхлая ровесница мира, как тень, преследовала каждый шаг красавицы. Но ваше золото, гетман, имело свой вес. Оно ярко блеснуло в потемневших глазах старухи, и она-то уже спроворила все дело.

— Где же они? — вскричал обрадованный Мазепа.

— В беседке вашего сада, — отвечал клевет

злодея, – старуха шепчет молитвы, прелестная плачет, разумеется, без вас, своего ангела-утешителя.

– Знают ли отец и мать о ее похищении?

– Без сомнения! Почти сутки я был в дороге и, хотя, опасаясь погони, летел, как вихорь, но теперь, вероятно, ее ищут. А что прикажете делать с няней?

– Дай ей денег и отвези куда-нибудь. Если же станет противиться, брось ее... Понимаешь?

Мазепа полетел к своей жертве, как голодный тигр на добычу. Эзуит глядел ему вслед и бормотал про себя: «Похитить девицу – и какую девицу! Бросить старуху – разумеется, в воду. И это все за тысячу червонных, – продолжал он, досчитывая втиснутое ему в руку Мазепою золото. – Нет, гетман, такие услуги стоят дороже».

На другой день струистые волны прибили к берегу труп старой женщины с веревкой на шее. Никто из жителей не знал утопленницы, не велено было делать никаких розысков, и несчастную тогда же похоронили на городском кладбище.

Глава VI

*С того ненавистного, страшного дня
И солнце не светит с небес для меня.
Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
Брожу одинокий, задумчив, унылый;
Иеменя доселе драгие края
Уже не отчизна – могила моя!*

В селе Диканьке угощал гостеприимный Василий Леонтьевич друга и свата своего Чуйкевича; он хотел выдать за его сына юную Марию. Поздно расстались они, но рано – еще до восхода солнечного, стоял добродетельный Кочубей на коленях пред священными образами. И, склоняя во прах поседевшую голову, славословил Творца небесного. Как светлая лампада, горела душа добродетельного чувством благоговения!

«Слава Тебе, восприявшему меня от пелен детства под святыи покров Твой; слава Тебе, неизреченный, невидимый хранитель мой в дни брани, в часы недугов; слава обременившему меня благами жизни! Воньми мольбе моей, Вездесущий: как зрели очи мои лиман широкий, падший Очаков, глубокий Дунай,

цветущий Адрианополь – так сподоби меня узреть и Твоя горняя!.. Как сладки светлые взоры, приветливы уста Любви и детей моих – да будут таковы и взоры и уста Твои в день всеобщего суда, и да будет на мне воля Твоя!..»

Так молился он. Вдруг черная туча заслонила рассветающий Восток, вещей ворон летит в окно, широким крылом задувает лампаду и с криком бьется по темным стенам модельни. Кочубей изумляется – с пронзительным воплем ужаса вбегает и падает к ногам его милая Любовь: «Спасай! Она похищена!.. Она погибла...» – вскричала несчастная и оледенела, как труп.

Нежный супруг спешит призвать на помощь домашних, видит смятение на лицах и, узнает все... содрогается... велит... и неутомимый конь несет его в Батурин... Вот доскакал он, выпрыгивает из седла – и верный конь пал бездыханный.

Напрасно хотели остановить его слуги Мазепы – он ворвался в комнаты, сильною ногою разбил замкнутые двери спальни. Мазепа вскрикнул от ужаса, Мария упала, как пора-

женная громом. Черные очи Кочубея сверкали, как молнии, слова замирали на дрожащих устах. Тщетно злодей силился подняться с роскошного дивана, тщетно силился вспыхнуть гневом... на помертвелом лице его выступал градом холодный пот, и длинные волосы, как шерсть гиены, стояли дыбом.

– Гетман! Гетман! – загремел Кочубей. – Гетман! Я пришел к тебе просить суда на хищника моей дочери, я пришел осудить с тобою виновную твою крестницу! Подумай, не раз хищные татары врывались в рубежи нашей отчизны. Они уводили в плен целые семейства, но не разлучали детей с отцами! Подумай, даже волчицы, медведицы и львицы питали в лесах заброшенных младенцев, а у меня похитил дочь подобный мне человек, мой единоведец, мой товарищ! Он превзошел грабительством непримиримого врага, люто-стию – кровожадного зверя! Подумай – однажды я нашел на дороге истошалу, избитую собаку – я излечил ее, откормил, благодарное животное привыкло ко мне, как истинный друг, и когда однажды в лесу огромный медведь стремился растерзать меня, она схвати-

лась с ним, разорвала ему горло – и задохлась под его тяжестью! А твоя крестница, мною взлелеянная и любимая, ушла с обольстителем! Гетман, что ты скажешь?

– Кочубей! Заклинаю тебя, оставь меня! Возьми что хочешь, только оставь меня.

– Нет, хищник, нет! Не богатства твоего, но твоей крови за честь мою пришел я требовать! – исступленный мститель схватился за рукоять тяжелой сабли, и, как стрела молнии, сверкнула она над головою обомлевшего злодея.

Мазепа отскочил, хотел звать на помощь, но трепетный голос его прервался и утих, подобно минутному крику просыпающегося младенца.

– Отчаяние и месть сильнее слабодушной преданности твоих рабов, – продолжал Кочубей. – Я не убийца твой, но каратель. Защищайся!

Грозный голос его пробудил бесчувственную Марию: она бросилась к ногам родителя; вопль дочери проник в сердце Кочубея, оно облилось жалостью, и рука мстителя опустилась. Долго стоял он, молчалив и мрачен, дол-

го светлые слезы то выступали, то высыхали на распаленных его ланитах. Наконец он поднимает преступницу, смотрит на нее и, отступая назад, говорит ей трепетным голосом:

– Если ты непорочна, раскайся в минутном заблуждении на груди моей. Но если... то отрекись отца, как отрекаюсь я тебя!

Несчастливая затрепетала, отвратилась от пламенных взоров добродетельного отца и с диким воплем бросилась к Мазепе.

– Я погибла! – вскричала она... и Кочубея уже не было.

Поздно вечером прибыл Василий Леонтьевич в село Диканьку, к оставленному семейству. Смутно глядел он на высокий дом свой, вспоминая минувшие утехы, пиры, надежды, – и черные глаза его заплывали слезами. «Все погибло, все прошло, как ласкательный сон свободы в мрачной темнице; как сон об ангелах в вертепе разбойников!» Печальная Любовь приветствовала его с высокого крыльца громким рыданием; малютки-дети не бежали к нему навстречу, как то бывало, с радостным криком, но, пристально глядя на мрачное чело его, обнялись. «Сестрицы

нет!» – вскрикнули они и заплакали.

С растерзанным сердцем прижал он милую супругу к груди своей.

– О, как неверны, как ужасны и лучшие дары твои, Всемогущий! Любовь! Не дашь ли ты мне другую Марию? Дети мои, не покинете ли и вы меня, как она? Ваши восприемники не такие ли злодеи, как и Мазепа?

– Но где она? – спрашивада Любовь трепещущим голосом.

– Ах, если бы я видел ее во гробе... если бы...

– Что это значит? – говорила Любовь.

Кочубей опустил голову на плечо супруги и глухим шепотом произнес: «Она – наложница Мазепы!»

С тех пор дом Василия Леонтьевича, дотоле обитель тихой радости и шумных пиров, обратился в дом плача и безмолвного сетования: уединен, заперт, как гроб, дряхлел он в тени густого бора. Душа Кочубея одичала, глубокая печаль провела частые морщины по челу его. Напрасно заботливая супруга расточала ему ласки, напрасно испытанные друзья приходили развеселить его: он не умел улы-

баться, хотел, но не мог одушевить тусклых взоров участием в мгновенной радости. Как роса, на долгих ресницах его висели слезы, он не мог развеять трепетного голоса приветами любви и дружбы – он был тих и печален, как плач любовника на гробе незабвенной! «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце, излися на землю слава о сокрушении дщери моя!» – повторял он с пророком Иеремиею.

– Так, милые друзья, – говаривал он гостям своим, – так, уже гаснут мои взоры; не сердце, но свинец, облитый ядом, дрожит в груди моей! Как шумный Днепр весною, так разлилась в народе громкая молва о моей дочери, о моем позоре! Я стыжусь встретить человека, стыжусь видеть свет солнца! Други! Вы погребали дочерей, но не видели их в объятиях развратителей!

– Убей злодея! – говорил ему пылкий Чуйкевич. – Я пойду с тобою.

– Нет! – отвечал добродетельный, – нет, я не отниму у Бога власти испытывать бессильных и карать утеснителен. Никогда, никогда не обагрю рук моих в крови изверга – но человека!

– Так пойдем к государю! Он правосуден. Он на земле – лице Бога!

– Чуйкевич! Добрый товарищ, с какими глазами покажуся я императору? На кого стану требовать суда? Что скажу ему? Разве то, что дочь моя бежала добровольно с обольстителем? Разве то, что она в один день забыла мои семнадцатилетние о ней попечения, мои наставления о чести и вере? Нет, нет, не ходатайства, не мести – но презрения она достойна! Не напоминай об ней, не пробуждай в душе моей засыпающей горести, скажи лучше, что она умерла; уверь меня, что она не дочь мне... что она подкидыш, я обниму тебя за это, поцелую. Этим оправдаешь ты меня перед народом, этим уверишь ты целый свет, что дети Кочубея не могут быть развратны!

– Но разве ты хочешь совершенно простить коварного Мазепу? Зачем, оправдывая его, ты обвиняешь только дочь свою? Друг мой, сжался над нею, не оставляй ее в сетях порока, возьми Марию, затвори ее, если хочешь, в мертвых стенах монастыря, пусть там оплачет она свое заблуждение и под власяницей отшельничества загладит первый грех

неопытной юности! – так говорил Чуйкевич.

Неутешная Любовь и все гости обступили неумолимого, но напрасно – он отверг их просьбы.

– Если не хочешь быть у него сам, напиши письмо... я отвезу его и доставлю тебе обстоятельный ответ, – говорил Искра, бывший полковник Полтавского полка. – Решайся, Кочубей, не мучь себя, не терзай всех нас. Говори – да или нет?

Кочубей подумал и согласился. Он пишет, рука его дрожит, слезы смывают строки... он смотрит на Любовь – Любовь умоляет его взором, неотступный друг ждет – и письмо готово, оно в руках Искры, Искра летит – и горделивый гетман уже читает его, язвительно улыбаясь.

Прошло несколько дней – и верные друга Кочубея снова собрались под сень его мирного жилища. Быстро примчался назад Искра с роковым ответом: «Гетман не отдает ее!» – вскричал он – и все вскочили, затрепетали. «Гибель, гибель развратителю наших чад!» – кричали они, прочитав письмо Мазепы, и звонкие сабли скрестились символом свя-

щенной клятвы. Один Кочубей молчал, но в душе его зрели новые думы, новые чувства.

– Други! – вдруг произнес он, как будто воскреснув. – Мазепа смеется над моими упреками, над моими слезами. На что давать пищу крокодилу? Полно, у меня нет дочери, нет слез об ней – я стыжусь прежней горести и хочу с вами веселиться. Эй, венгерского! Пейте, друзья мои, пейте – и заглушите последний вопль родительского сердца! Она не возвратилась, она не хотела возвратиться – у меня нет более дочери. Одно чувство осталось в груди моей, и это чувство – месть!

– Мечь! – закричали все и сковались руками.

Вдруг начали рассказывать, толковать дела и поступки гетмана. Все хотели немедленно схватить подозрительного злодея, предать его ярости угнетенного им народа. Кочубей остановил бурный порыв их исступления, упросил отсрочить исполнение замысла. Увы! Он упросил их отсрочить только свою гибель!

Глава VII

*Где сердце любит, где страдает,
И милосердный Бог наш там;
Он крест дает и Он же нам
В кресте надежду посылает.*

Сладкий сон беспечности чуждается злодея, прошедшее и будущее, как змеи, сосут его сердце! Злодей Мазепа не спал, хотя и царедворцы великого Петра усыпляли его на розах милости, одевая щитом своего представительства и дружбы. Это были Шафиров и граф Головкин; пронырливый льстец успел выслужить их внимание, расточительными подарками выиграть привязанность и благодарность; одним словом, он назывался их другом – и почему не так! Мазепа был князь, действительный тайный советник, кавалер, правитель целого народа! Вельможи русского царя любили и почитали Мазепу – сам Петр благоволил коварному гетману, оболыщенный наружною его преданностию. До престола его не доходил голос утесненной правды – среди бурь военных, среди всеобщего потрясения

государства очи его были устремлены на великий план преобразования; ему не доставало и минуты заглянуть в темное сердце скрытого злодея. Тогда как Кочубей истощал последние силы в неусыпном труде в должности генерального судьи и с верою в Бога не сторожил от клеветы своей славы, тогда непримиримый и низкий враг его, гетман, ковал на него втайне стрелы неприязненной мести: в письмах своих к Шафирову и Головкину он выставлял его горделивым завистником, наветчиком, душою бунтов беспокойного народа. Ему верили слепо – и славное имя добродетельного затвердилось в их памяти как имя человека опасного. Они советовали гетману удалить его от дел правительства, но, отдавая должную справедливость образованному уму и неусыпной деятельности Кочубея, Мазепа отклонял их предложение, уверяя, что не хочет быть виновником его падения, его горестей! Так клеветал порочный на добродетельного – и казался великодушным.

Время проходило, как сон. Дни, месяцы, годы сливались с вечностью, как светлые воды Сейма с быстрою Десною. Вера и верная Лю-

бовь врачевали сердце Кочубея, он позабывал Марию, но не забыл священного долга к отечеству; тайно и терпеливо проникал он в дебристую душу изверга – и все, что узнал он от испытанных друзей, что изведal сам, обнажило перед ним в гетмане изменника. Он содрогнулся; воображение его мгновенно обрисовало ужасную картину бедствий милой родины. Как отпадение Аввадоны от Бога сил, так казалось ему отложение Мазепы от Петра Великого! Кочубей видел всеобщую битву двух народов, трупы человеков, кровь братьев, пламень пожаров, бесчисленные сонмы вдов и сирот – и плач их, как вой осенней бури, раздавался в ушах его! Он вознес громящую руку казни над главою злодея, и чернец Никанор был его помощником. Сей последний, прибыв из Севска от Спасского архимандрита Игнатия с просвирами к набожным почитателям его мирной обители, радушно был принят и угощаем в доме Василия Леонтьевича. Сладка и поучительна была беседа отшельника, святая вера и небесная надежда говорили его устами – и Кочубей решился раскрыть перед ним свою душу.

– Слушай, святой отец, – говорил он. – Душа моя пред тобою, как лице мое! Слушай, язык мой неложен, как слово евангелиста. Но прежде поклянись мне, что сохранишь тайну. Не обвиняй меня в сей мере недоверчивости – друг и дочь обманули меня!

В это время подошла Любовь с распятием Искупителя и, отдавая оное Никанору, говорила торжественным голосом:

– Как Спаситель пострадал за нас, так и нам должно умереть за великого государя!

Пред священным изображением благочестивый инок преклонил колена и клялся не изменять тайне.

Кочубей открыл грудь, на ней сиял крест в алмазах.

– Здесь мои горести! – и Никанор приложился к кресту. – Теперь выслушай, – продолжал страдалец. – Не было человека счастливее меня: суетные желания мои я поверял Богу – и Бог милостиво внимал молитвам раба своего! Уже прихоти сердца моего истощились, но щедроты Его, как нагорный ключ, наполняли чашу жизни моей! В суде своем положил Он испытать меня, как Иова... нет!..

еще ужаснее! Храмина задавила непорочных детей многострадального – родной злодей обольстил дочь мою, *наплевал на мои слезы!* И это Мазепа, наш гетман! Близко завершение его замыслов: он отлагается к ляхам, грозит оковать рабством Украину и потрясти престол великого Петра! Не требуй от меня доказательств, я объявлю их только тогда, когда увижу очи монарха! Теперь иди, передай слова мои боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину.

Никанор, напутствованный золотом и богатою хлебом-солью, прибыл в Москву, свято исполнил данную Кочубею клятву; но за отсутствием государя дело таилось в молчании до его возвращения и было представлено ему руками вельмож – покровителей Мазепы как донос мстительного и беспокойного человека, донос ложный. Оно предано забвению до времени. Петр летел тогда поднять упавшего с престола союзника своего Августа и с поля смерти приглядеться к страшному Карлу.

С горькою досадой смотрел Кочубей на первую неудачу и безопасное счастье изменника. Он знал его душу и, как жала Найи,

остерегался его мщения. Между тем время текло быстро, обстоятельства становились важнее и медленность грозила неминуемою гибелью всему отечеству. «Что я успею один против сильного врага, друга вельмож, любимца самого государя? – думал он. – Мне нужны товарищи, нужны друзья и предстатели!»

Скоро соединились с ним Искра, сотник Полтавского полка Кованько, духовный отец Святайло и другие верные сыны Малороссии – они видели гибель под ногами и с общего согласия в начале января 1708 года отправили в Москву новый донос.

И в сей раз не сбылись надежды Кочубея: война обуревала душу самодержца – Петра не было в столице. Он повелел министрам рассмотреть новый донос. Он вверил друзьям Мазепы его тайну, его участь – и участь беспомощного Кочубея. Кто не угадает последствий?

Глава VIII

Жалей меня! оплачь мою судьбу!

Малороссийские войска двинулись к Польше, их предводил Мазепа; с ним была и несчастная Мария. Красота ее поблекла от слез и вздохов – и пресыщенный наслаждениями изверг ругался горестию своей жертвы: не ласки и угождения, не льстивые похвалы ее прелестям, но холодное презрение и убийственные насмешки были уделом виновной дочери Кочубея. На справедливые упреки страдалицы, невольно вырывающиеся иногда из уст ее, злодей отвечал всегда одними словами: «Потерпи, – говорил он с адскою улыбкою, – потерпи, неоцененная Мария, дочь благородного, великого Кочубея! Скоро настанет время, когда я вознагражу тебя за верную любовь, твоего отца за его преданность к родине. Я устрою для тебя торжество неслыханное, возведу генерального судью на такую степень, о которой ему и во сне не грезилось! О, скоро, скоро увидишь ты, как добр, как благороден Мазепа!»

В сие-то время гетман увидел нависшую над ним тучу, услышал близкий гром внезапной кары. Быстро помчались гонцы его к благодетелям-царедворцам и к самому монарху. Он напоминал им долговременную свою верную службу, умолял о присылке врагов его к нему для розыска, умолял о заступлении – и вместе с ними, казалось, умолил небо помедлить его казнию! Государь спешил уверить Мазепу в непременной своей благосклонности, обнадеживал в продолжении милостей, обещал не верить ложным на него доносам и грозил клеветникам строгим наказанием. Так писал Петр к лицемеру; что же могли писать Шафиров и Головкин, рабы корыстной приязни к гетману, рабы предубеждения к несчастному Кочубею? Уверяя Мазепу в своей дружбе, они требовали к себе доносителей. Головкин льстивым письмом обнадеживал Кочубея в безопасности, в милости к нему монарха, в собственном уважении и просил поспешить приездом будто бы для совещания о делах открывающейся измены и об избрании нового гетмана.

Простись, несчастный Кочубей, простись

с милою Любовью! Поблагодари ее за все райские дни, которыми ты наслаждался в этом мире; благослови твоих детей, приложись к родительским иконам, скорее наглядись на красоту родины, на высокий дом твой, где весело протекли игры младенчества, мечты юности, где ты пировал с избранными друзьями! Надышись воздухом родины, родных полей, простись со всеми – ты их более не увидишь, и черный ворон не занесет туда костей твоих!

Кочубей, Искра и прочие участники доноса отправились в дорогу и 18 апреля прибыли в Витебск, главную квартиру государя.

Глава IX

*И здесь ли, друг, всему конец?
Взгляни; над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их Творец!..*

На другой день собралось судилище – в нем заседали Шафиров и Головкин. Пред них предстали Искра и Кочубей со своими товарищами.

– На чем основали вы донос свой? Что побудило вас к нему? – были первые сделанные им вопросы.

Кочубей бодро выступил вперед и произнес твердым голосом речь, приготовленную им монарху: [1]

«Пресветлейший, державнейший царь, государь всемилостивейший! В правление блаженный памяти родителя твоего Алексея Михайловича, самодержца всея России, была измена гетмана Брюховецкого – войски и города отпали с ним от его владычества – темницы наполнились верными рабами. И когда снова потоками крови потушены пожары, ме-

чом рассеяны толпы грабителей и весь край подпал его скипетру – судья Забела и другие старшины войска понесли праведный гнев его величества за то, что не открыли зла в надлежащее время! Ныне правитель наш, покушаясь даже на священную жизнь твою, хочет предать весь край неприязненным ляхам – он склонял нас к соучастию, но, исполняя долг верности и веры, мы дерзаем объявить о сем пред тобою, дабы упредить и начало смятения Богохранимой твоей державы! Мы уповаем на милосердие Бога и твое правосудие, что не погибнут за правду наши головы, наши жены, дети и наше имущество не будет предано разорению! Мы не ищем награды за усердие, единственно желая: да наслаждаются под твоим благословенным скипетром бесчисленные твои народы сладким миром, Господний церкви непоколебимым благосостоянием!»

Так говорил верный сын отечества и подал министрам извет свой, состоявший из двадцати шести статей. Статьи сии громко говорили против Мазепы, открывали его коварство, замышляемую измену... но им не хотели

верить и вопрошали доносителей порознь; ответы всех согласовались в смысле, но разнились в словах. Пользуясь этим разноречием, вельможные друзья предателя смешали их еще более на очной ставке... и слово *пытка*, как гром, оглушило несчастных.

Екатерина! Да будет благословенно имя твое, как имя матери человечества, как ограда угнетенного бессилия! Ты истребила в высоком языке россов позорные слова *раб* и *пытка* – их нет более между нами; есть подданные-дети царя-отца, есть суд по совести и правде! Самые законы о злодеях дышат человеколюбием и надеждою на их исправление!

Приказали пытатъ первого Искру, кнут разрезывал обнаженные рамена несчастного – он отрекся от своего показания, проклинал своего друга.

Кочубей, великий духом Кочубей был поражен воплями и кровию родного, был поражен несправедливостию суда! Геройская мысль мелькнула в голове его: он решился снять на себя всю вину и, обречьшись на смерть мучеников, объявил, что гетман прав, что весь донос его был вымысел злобы и ко-

варства.

Наконец произнесен приговор несчастным: Святайло и Никанор осуждены на заточение в Соловецкий монастырь; Кованько, два писаря Кочубея, слуги его и полковника Искры в Архангельск для поверстания в солдаты или куда будут годны; сами же Искра и Кочубей приговорены к смерти.

– Губитель мой! – говорил Искра Кочубею. – Где твои гордые надежды? Где замыслы? Все рушилось – и я умираю за тебя!

– Не ропщи, друг мой, – отвечал Кочубей, – мы обречены небом в жертву сильному коварству! Не здесь наша отчизна – там, отколе вняли мы неведомый голос: «Приидите ко мне труждающиеся и обремененные – и аз успокою вы!», там готовы венцы нашему страдальчеству. Один удар топора – и мы станем пред судьей нелицемерным! – так утешал Кочубей слабеющего друга в сыром подземелье темницы. – Не ропщи на Бога, – продолжал он, – Бог непостижим и правосуден! Не ропщи на меня, Бог свидетель – я люблю тебя, как брата! – и тронутый Искра плакал.

Но чаша бедствий еще не исполнилась:

Мазепа громко роптал на какое-то излишнее человеколюбие суда Искры и Кочубея. «Мало их карали, – говорил он, – новыми муками можно вырвать у них сознание, кем подучены они к ложному доносу». Так смело утвердил о своей невинности презреннейший из людей – и судьи повелели снова пытаться несчастных. В сей раз Кочубей под ударами палача объявил, что в селе его Диканьке зарыты в землю четыре тысячи червонных и две тысячи талеров – плод долголетнего труда и бережливости – какая находка для корыстолюбивого Мазепы!

Государь утвердил приговор суда: Искра и Кочубей отправлены к Мазепе, в местечко Борщаговку.

Глава X

*Здесь радости – не наше обладанье!
Пролетные пленители земли,
Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали!
Земли жилец безвыходный страданье!
Ему на часть судьбы нас обрекли!
Блаженством нам по слуху лишь зна-
комец!
Земная жизнь – страдания питомец!*

Тускло дымная лучина освещала хижину – два живые мертвеца безмолвно сидели на лавке, повесив головы, сложив крестообразно на персях закованные руки. Статный казак с острою пикой стоял у дверей на стороже. Шумная Борщаговка уже засыпала, изредка лай бессонного пса или жалобный крик сверчка, или тяжелый вздох печального казака нарушали мертвое молчание.

«О чем вздыхаешь ты, дикий питомец Днепра? Не угнал ли хищный крымец твоего любимого коня? не увез ли твою верную жену, не изрубил ли твоего первенца-сына? Что ты не сводишь черных глаз твоих с этих преступ-

ников? Их дела должны быть ужасны – мне не поднять их тяжелых цепей; их заключение должно быть долговременно – рубища на них сгнили от сырости темницы? Кто сей старец, кто сей муж? Казак, добрый казак, о чем ты плачешь? Но ты молчишь, ты уходишь. Иди, я узнаю все от этого юноши, пришедшего тебе на смену». С каким трепетом стал он у дверей, какие дикие взоры бросает он на седого узника? Он вне себя, бледнеет, дрожит, как убийца пред вечным судиею; страшно смотрит седой на часового, уста его, запекшиеся от жажды, отворились, волосы стали горою, он трогает товарища и иссохшим перстом указывает на пришельца.

– Какое ужасное сходство! – говорит старец задыхающимся голосом.

– Ты узнал меня! – вскричал юный казак и пал к ногам помертвелого узника – высокая шапка слетела с головы его, и волнистые локоны рассыпались до пояса. – Отец, – продолжал он, объемля закованные ноги старика, – отец! не отвергай меня, не кляни! Моя совесть уже прокляла меня.

– Встань, встань, наложница моего убий-

цы! Не прикасайся ко мне, не отравляй последних минут моей жизни твоим присутствием, не наводи на простившуюся с миром душу мою тоски воспоминания о твоём позоре!

Это Кочубей, у ног его виновная дочь, другой узник Искра.

– Мне оставить тебя, родитель мой? Мне, убийце твоих радостей? Знаешь ли ты свой жребий?

– Смерть прекратит мои страдания!

– Нет, ты будешь спасен! Совесть, как перун Божий, пробудила мою душу, и черная змея раскаяния впиалась в сердце! Сегодня один престарелый казак, свидетель твоих ратных подвигов, свидетель твоей правды в суде, прокрался в мою комнату, открыл мне все! Он дал мне это платье, поставил меня к тебе на стражу. Беги, спасайся, спасай своего друга! Тридцать верных сынов, Украины и я последуют за тобой!

– Василий, – сказал Искра, – примиришь с нею, благослови ее – она достойна титла твоей дочери. Трудно уцелеть среди мора, трудно спастись из объятых пожаром терема – но в

объятиях порока любить добродетель, разорвать золотые сети железным крестом терпения и раскаяния – то же, что воскреснуть из мертвых!

– Встань, – сказал Кочубей, – я предаю прошлое забвению. Именем родительницы твоей и моим именем возвращаю тебе название дочери, именем братьев возвращаю тебе название сестры, именем Бога вседержителя благословляю тебя! Бедная ветка, оторванная вихрем страстей от родного дерева, как увяла ты – тебя иссушил зной неумолимой совести, но да падет на тебя роса небесной благодати, да расцветешь ты снова и да не отвергнет плодов твоих: молитв и добрых дел, рука небесного вертоградаря!

Тихо отозвался в хижине торжественный поцелуй примирения, и, звякнув цепями, Искра поднял руку отереть слезу душевного умиления.

– Зачем я переживаю сии минуты? – говорила, всхлипывая, Мария. – Но время дорого, бежим! Острая пила разрежет ваши оковы, теперь все спят, никто не заметит следов наших!

– Нет, друг мой, нет, не предлагай мне побега – суд царя наложил на меня оковы, приговорил к смерти – знаю, что невинно, но я не хочу быть виновным, нарушив его священную волю! Пылкий, юный друг мой, ты стремилась к добру, но, к сожалению, к добру мнимому! Ты говоришь: тридцать человек будут охранять нас, но что эта горсть людей против многочисленной погони? Они или падут жертвою отчаянного мужества, или, подобно мне, закуются в цепи, повлекутся на казнь, и тогда их кровь, слезы жен и детей их возопиют против меня на Страшном суде Бога!

Мария обнимала колена старца, и слезы градом катились по бледным щекам ее.

– Не забудь твою родительницу, не забудь братьев и сестер, – продолжал Кочубей, – отнеси им мое благословение, мой прощальный поцелуй. Скажи им, чтобы они не плакали обо мне; скажи им, что я, как о первом дне моего брака, говорил с тобою о близкой казни!

Вдруг скрипнула дверь – и служитель веры вошел в дымную хижину.

– Нет, ты не умрешь! – вскричала Мария в испуге и скрылась, как привидение.

Часто, очень часто слезы сожаления прерывали тихие молитвы доброго священника; тайною исповедью и святыми дарами очистил он души страдальцев от всего земного.

Скоро стало все тихо в хижине; на голых досках Искра и Кочубей наслаждались сладким сном.

Глава XI

*Мыслью бродил он в минувшем: грозно
вдали перед взором
Смутным, потухшим от тяжкия,
тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности без-
дна.*

— Кто там? – воскликнул Мазепа, услышав сильный стук у дверей своей спальни. Ответа не было, но двери снова потряслись от удара.

– Заленский! – продолжал гетман с беспокойством, – не подслушал ли нас какой-нибудь тайный враг? не открылась ли истина монарху? не от него ли это посол смерти? А я так неосторожен, что позволил разойтись моим верным сердюкам.

– Гетман! – возразил Заленский. – Стыдитесь своего малодушия. Пусть придет и сам Петр! что он сделает? Не везде и не всякого оглушит он громовым голосом, не везде и не всякого заставит трепетать орлиным взором. В своем гнезде и ворон выклюет глаза соколу! Посмотрим, – продолжал он, улыбаясь, – кто

этот гений страха, кто этот загадочный пришлец?

– Не отворяй – я безоружен.

– Тогда-то злодей и не опасен, – вскричала Мария, ворвавшись силою в комнату.

– Что я вижу? Мария, в полночь... в одежде казака? – говорил коснеющим языком Мазепа.

– Губитель Самойловича! Бродяга, найденный на хребте издохшего коня! Я не дивлюсь, что полукафтанье казака наводит на тебя трепет. Но эзунит, – продолжала она, обращаясь к Заленскому, – вон! Я хочу говорить с гетманом; мне не нужен такой свидетель!

И Заленский, как червь, выполз из комнаты.

– Я видела его, Мазепа! Я видела его, изверг, не на высокой степени, на голой лавке дымной хижины; не в богатой парче, в полуистлевшем рубище; не в орденской ленте, в цепях!

– Мария!.. ты его видела?.. где?.. когда?

– Там, где бы должно погибать злодеям! Я видела еще более – его эшафот! Так на сию-то высокую степень ты обещал возвести отца

моего? Сею-то двусмысленностию слов радовал ты мою легковерную душу? Иван! Я не царь, чтобы низвергнуть тебя в прах прежнего ничтожества; я не Бог, чтобы отравить тебя ядом совести, но я дочь Кочубея! Всмотрись в мои глаза, некогда пылавшие к тебе порочною страстию, – они горят теперь ненавистью и мщением! Слушай гром уст моих: они твердили тебе *люблю!* – теперь изрыгают проклятия! Взгляни на эту руку, некогда прижимавшую тебя к обвороженному сердцу, – взгляни, что сверкает в ней? Дамасский кинжал!

Как хищный коршун бессильного цыпленка, так схватила исступленная Мария трепещущего Мазепу и приставила к оледеневшей груди его.

– Будут ли живы мой отец и полковник Искра? – спросила она страшным голосом.

– Будут, будут! – отвечал, задыхаясь, Мазепа.

– Поклянись!

– Клянусь тебе всем священным, клянусь Творцом-мстителем! Но я задыхаюсь,пусти меня.

– Творец небесный! Ты слышишь вопль

рождающегося червя – внемли же хоть раз клятве злодея!

– Успокойся, милый друг, – говорил ей Мазепа, – ты еще не знаешь меня, ты не знаешь, какое торжество готовил я в награду любви твоей?

– Лицемер, – прервала его Мария, – ты хочешь усыпить мои подозрения, хочешь снова обмануть меня притворством? Говори, какую высокую степень готовил ты моему родителю?

– Ты не поверишь словам моим, но я должен открыть тебе тайну: завтра у ступеней эшафота хотел я броситься к ногам твоего отца, вымолить его согласие на брак наш – хотел пред очами всего народа разорвать несправедливый приговор царя Московского, провозгласить свободу Малороссии, возложить на себя княжеский венец, короновать тебя, мою верную подругу – и наследство престола передать в род благородного Кочубея! Нет, я не избрал бы ни Трощинского, ни Войнаровского – первый везде ничто, другой велик делами только в диванных – он камень за зеркалом суда и вихор на пиршествах!

– Гетман! Исполни мою просьбу: спаси родителя, спаси друзей его! Не льсти мне княжеским венцом, Петр – государь наш! Не говори о браке – ты мне отец, руки наши разлучены купелию святого крещения!

– Мария! Завтра я превзойду твои ожидания. Будь пышно одета, почетная стража окружит тебя – ты удивишься великодушию Мазепы! – он напечатлел поцелуй на руке легковерной и ласково проводил ее до дверей комнаты.

Свободнее дышал гетман, оставшись наедине сам с собою; невольно погрузился он в мечты: как в зеркале, в светлом воспоминании он видел свою милую юность; пылкое, наклонное к добру и ко всему великому сердце! Верная память прочла душе его историю жизни, безошибочно сосчитала его проступки, намерения и самые мысли.

«Если не все умирает с бранным телом человека, если есть суд Божий, суд строгий и казнь вечная – горе мне! Куда скрылись вы, мечты счастливой юности? Где затихли вы, порывы чистого сердца? Добро! Я любил тебя от всей души – как разлюбил тебя, как разбил

твои скрыжали на скользком пути почестей – не помню, не знаю!»

– Но Заленский!.. Аа-а, ты здесь, – продолжал он, увидя тихо вошедшего эзюита, – садись, – меня растрогала, удивила дочь Кочубея. Я предчувствую что-то ужасное, предчувствую, что земля и небо в один голос проклянут мое имя! Молись за меня, Заленский! Молись! Я заплачу тебе щедро.

– Bravo, гетман! Вы проповедуете на славу, поздравляю. О, слушайте женщины, идите по следам ее, и со временем, уверяю вас, гетман, вы будете великая женщина!

– Заленский!

– Но нет! Я не оставлю вас на краю бездны. В последний раз простираю вам руку помощи – выбирайте любое. Но как бы нас не подслушали, здесь и стены с ушами. Пойдемте далее, станем говорить тише.

Глава XII

*...Без Бога не падет
И волос с нашей головы! Взгляни
На заходящее там солнце – завтра
Оно опять взойдет среди сиянья!
Так верно день наступит оправданья!*

Как зарево пожара, горела утренняя заря на востоке, кровавое солнце вскатилось на бледный небосклон. Народ и воины толпою обступили площадь, отрывистый гул ропота и проклятий, как удары землетрясения, растекался по воздуху. Окруженный свитою и верными сердюками, гетман из окна любовался приятным для него зрелищем; внизу несчастная его крестница, закрытая с головы до ног белым покрывалом по повелению Мазепы, стояла в грустном ожидании. Как призраки гроба, приближались к плахе Искра и Кочубей, народ содрогался, как напирющий гром, сильнее и сильнее раздавался ропот. Мазепа дал знак – страдальцы обнялись, взаимным поцелуем запечатлели вечную разлуку на земле... и голова Искры покатила по желтому песку. Облобызав еще раз окровавленное

чело друга, Кочубей возвел очи к небу, осенил себя крестным знамением и, будто на руку милой супруги, опустил голову на плаху; в это время сдернули покрывало с изумленной Марии, несчастная ахнула, громко вскрикнул народ, топор звякнул – и добродетельного не стало!

Солнце утонуло в тучах, сильный ветер взрыл соломенные крыши домов, буря завывала, вопль испуганного народа слился с треском грома – и побледневший злодей затрепетал.

Спустя три месяца и десять дней Петр узнал об измене гетмана; добродетельное сердце Великого облилось кровью: он оплакивал смерть несчастных и благодетрил их семействам.

Мария кончила жизнь в монастыре.

Примечания

1

См. Историю Малой России Бантыша-Каменского. *(примеч. автора)*